

На правах рукописи

МЕЗДРИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

ТЕНЕВЫЕ ПРАКТИКИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Специальность 22.00.03 – экономическая социология и демография

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Тюмень – 2005

Работа выполнена на кафедре экономической социологии ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор социологических наук,
доцент
Ромашкина Гульнара Фатыховна

Официальные оппоненты: доктор экономических наук,
профессор
Рязанцев Игорь Павлович

кандидат социологических наук,
доцент
Грошева Ирина Александровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный университет путей сообщения»

Защита состоится 17 марта 2005 г. в 9 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.05 при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 16, ауд. 113.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета

Автореферат разослан «14» февраля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Л. П. Гербер

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ещё совсем недавно такое явление, как теневая экономика, было темой для закрытых обсуждений в кругу специалистов. В настоящее время термины и понятия “теневая экономика” и “неформальная экономика”, “теневые практики хозяйствования” и другие, близкие к ним по смыслу, укоренены в различных категориальных рядах и концептах экономико-социологической и экономико-правовой мысли.

Окрепло и понимание того, что речь идёт не просто о неучтенной части экономического продукта, а о более широком и серьезном явлении, в значительной степени определяющем современное российское хозяйство.

При изучении теневой экономики из поля зрения исследователей иногда “выпадают” *социальные* процессы, сопровождающие её. Между тем их роль как “структурного контекста”, “социального окружения” весьма велика: они и порождают теневые практики хозяйствования, и сами выступают следствием теневых отношений. Это происходит потому, что люди в функции социальных акторов продолжают входить в привычные для них, с одной стороны, “легальные” социальные группы и организации, а с другой стороны, включаясь в теневую экономику, создают новые “нелегальные” социальные образования, формируют социальную базу “тени”.

“Теневая экономика” в целом и “теневые практики хозяйствования” как ее важнейшие элементы в концептуальном плане могут быть представлены как реальные результаты действий, совершаемых “в обход” тех или иных формализованных институтов народного хозяйства: регистрации, отчетности, лицензирования, налогообложения и т. д. Их игнорирование не означает, что теневая экономика пребывает во внеинституциональной среде. Как правило, происходит селективное игнорирование формализованных институтов, которое и задаёт определённую сегментированность теневой экономики и различных теневых практик хозяйствования. Выявление тех или иных областей нарушаемых экономических и социальных норм для российского общества сегодня *более чем актуально*.

Состояние научных исследований и степень разработанности темы.

Несмотря на то, что проблемы теневой экономики оказались в центре внимания обществоведов только с 1970-х гг., это явление возникло гораздо раньше. Теневая деятельность за рамками "общественного договора" (Ж.-Ж. Руссо) появилась практически одновременно с возникновением самых первых форм общественного контроля над человеком. Изучение собственно теневой экономики стало развиваться лишь в XX в. под влиянием институционализма, представители которого обращали особое внимание на социальные аспекты реальной экономики – Ч.Барнард, Т.Веблен, Дж. Коммонс, Д.Норт. Предпосылки для исследования теневых практик содержатся в работах Р.Бромлея, М. Грановеттера, Г. Гроссмана, П. Гутмана, А. Каценелинбойгена, Д. Мида, Э. Мингиони, К. Морриссона, К. Поланьи, А. Портеса, Р. Роуза, Э. де Сото, В. Танзи, Л. Уэбстера, Э. Файге, П. Фидлера, К. Харта и других.

Исследования по неформальной экономике проводились учеными во многих развитых странах Запада, анализ работ которых проведён российскими учёными Е. Брагиной, В.О. Любимовой, М. И. Николаевой, А. Ю. Шевяковым и другими. При определении объекта анализа исследователи *неформальной экономики* делали акцент на *незаконности* экономической деятельности, а то, что конкретно изучали, они называли: "*подпольной экономикой*" (*underground economy*), "*нерегулярной экономикой*" (*irregular economy*), "*теневой экономикой*" (*shadow economy*) – терминами, отличающимися от понятия "неформальная экономика".

С социологической точки зрения концепцию для изучения феномена представил Р. Мертон в рамках развиваемой им теории *структурного контекста, явных и латентных функций*. Именно в теневой экономике весьма эффективно работает "*основная теорема Мертона*", которая гласит, что любая попытка уничтожить существующую социальную структуру без создания адекватной альтернативной структуры для выполнения функций, ранее выполнявшихся уничтоженной организацией, обречена на провал.¹ Модель экономического действия состоит из формальной (нормативной, административно-организационной) и неформальной (реально действующей, «органической») функциональных систем, которые в терминах Мертона приобретают живые черты теоретического анализа при ис-

¹ См.: Merton R. K. Social Theory and Social Structure. - New York: Free Press. 1968. P. 127.

следовании деятельности формальных и неформальных элит, теневых экономических механизмов, феноменов коррупции и/или организованного насилия.

В работах Р.Бёрта, У.Пауэлла, Д.Старка и др. современное хозяйство представляется как совокупность социальных сетей — устойчивых связей между индивидами и институтами. Экономические отношения, таким образом, тесно переплетаются с социальными. В работах М. Грановеттера сетевые связи между индивидами и фирмами представляются как множественные, многозначные, подвергаемые хозяйственными агентами различным интерпретациям и оценкам. Под институтами здесь понимаются не абстрактные нормы и ценности, а формальные и неформальные правила. Последние регулируют практики повседневной деятельности и поддерживаются этими практиками. Теневые процессы как в экономических, так и в неэкономических сферах общества, их причины, особенности развития, их фундаментальная сущность в современной России представлены в публикациях С. Ю. Барсуковой, С. Глинкиной, Т. И. Заславской, Р. Капелюшниковой, Т. Корягиной, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, Т. Шанина и других. Ю.В. Латов — один из научных руководителей нашего общего проекта. Его идеи и теоретические концепции также легли в основу эмпирического сравнительного исследования, проведенного нами. Поэтому степень разработанности темы диссертации определялась, благодаря и его фундаментальным работам в области теневых и неформальных социально-экономических практик. Решая вопросы, связанные с методологией анализа данных проведенного социологического исследования, диссертант опирался на работы Г. Г. Татаровой, Ю.Н. Толстовой, В.А. Ядова.

Необходимо отметить, что сама тема теневых практик в экономической социологии начала рассматриваться совсем недавно, и большинство работ по данной теме посвящены проблеме определения теневых практик и измерения их масштабов. Несмотря на обилие публикаций, на наш взгляд, наблюдается всё же недостаточная изученность социально-экономических детерминант *теневых практик хозяйствования*. Ощущается определенный дефицит конкретных социологических исследований, которые раскрывали бы влияние различных факторов на распространение теневых практик, этому и посвящена данная диссертация.

Постановка проблемы. Основной проблемой диссертационного исследования стало фундаментальное противоречие между имеющимися наличными теневыми практиками на неформальных российских рынках и их формальными «обрамлениями». Операционализация основной проблемы исследования заключается в выявлении и количественном измерении признаков теневых практик на неформальных рынках, в изучении взаимосвязей и корреляций между признаками различных форм и частот теневых практик хозяйствования, измерении мотивации вовлеченности в теневые практики представителей различных социальных групп, изучении социо-структурных характеристик общества и межрегиональных различий как действия структурных контекстов (в терминах Р. Мертона) на участников неформальной экономики.

Объект исследования – теневые практики хозяйствования.

Предмет исследования – особенности теневых практик хозяйствования в регионе.

Цель исследования – выявление сущности социально-экономических основ существования, закономерности и тенденции развития теневых практик в российских регионах.

Достижение цели предполагает последовательное решение следующих **задач исследования**:

1. Анализ институциональных аспектов неформальной экономической деятельности в России.
2. Уточнение сущности и обоснование классификации теневых практик хозяйствования.
3. Изучение теневых практик хозяйствования, выявление мотивов и основных функций предпринимательского поведения в условиях неформальных рынков.
4. Выявление способов и форм оценки и противодействия теневым практикам, фиксация связей между вовлеченностью граждан в теневые практики и ключевыми структурными характеристиками социального контекста, которые эти связи обуславливают.
5. Проведение сравнительного анализа распространения теневых практик в различных регионах России.

Теоретико-методологической основой исследования послужили произведения классиков и современных авторов социологии и экономики. В части обоснования концептуальных подходов автор руководствовался положениями теории действия, теории рынков, неинституциональной теории контрактных отношений, теории социологического функционализма, сетевого анализа. В части изучения теневых практик хозяйствования - экономическими и социологическими концепциями неформальной экономики, теневых рынков, теорий мотивации и обмена.

Эмпирической базой исследования выступили результаты проведенных автором анкетирования и интервьюирования как самостоятельно, так и в составе исследовательской группы в рамках инициативной программы «Неформальная экономика», выполненной в 2003–2004 гг. сотрудниками кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета с объёмом выборки 2410 человек по Тюменской области. Привлекались данные социологических опросов, проведенных по сопоставимой методике в рамках общей программы совместно с сотрудниками Института социологии РАН и ГУ-ВШЭ в 2004 году в Туле и Ставрополе, с объёмом выборки соответственно 572 и 597 человек.

При обработке полученных результатов был применен дисперсионный, кластерный, факторный анализ с использованием пакета SPSS-12.0.2. Ошибка выборки по одному признаку не превышает 1,5%.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Уточнено содержание понятия «теневые практики» на неформальных рынках и сопряженных с ним категорий в контексте неинституциональной социолого-экономической теории.

2. Выявлена совокупность признаков, на основе которых предложена типология детерминант появления теневых практик, концептуализированы и операционализированы условия их существования. Построены теоретические модели возникновения и проявления теневых практик в контексте теории контрактных отношений с учетом анализа типа контракта и его фундаментальной функции. Под последней понимаются акты субъективного взаимного оценивания и признания сторон, заключающихся в том, что чисто экономические отношения как безличные связи превращаются в личные, субъективно значимые контакты.

3. Выделены и структурированы факторы, влияющие на формирование и укоренение теневых практик хозяйствования в процессе их становления и развития в России и в регионе (Тюменская область). Выявлены сущность, структура, функции теневых практик и этапы их становления как различных моделей контрактных отношений.

4. Выделены социальные типы людей, более активно участвующих в теневых практиках. Рассмотрено распространение теневых схем социальных действий в трёх регионах России, проведён сравнительный анализ. Раскрыты теневые практики бюрократического и предпринимательского типа на основе общих для них параметров в модели контрактных отношений.

5. Систематизированы и классифицированы полученные эмпирические данные на основе творческого применения статистической методологии при анализе анкетных данных на основе критериев хи-квадрат Пирсона, стандартизованных остатков в перекрестных таблицах, дисперсионного, факторного и кластерного анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что российская неформальная экономика рассмотрена в контексте социального контракта, легитимность которого проявляется в отражении отечественной модели государственного управления, трансформации обоснования в массовом сознании типов хозяйственных отношений и предпринимательского поведения на неформальных рынках.

Практическая значимость состоит в возможности использования эмпирических данных:

1) при разработке региональных управленческих решений на основе учета и оценки направленности динамических процессов, диагностируемых в представленной работе;

3) для формирования общественного мнения в области противодействия теневым практикам и сужения социальной базы теневых практик;

2) для прогнозирования социальных процессов, сопровождающих трансформационный процесс в регионе на основе анализа факторов, влияющих на типичные модели теневого поведения на неформальных рынках;

3) при разработке учебных курсов «Социология», «Экономическая социология», «Исследование систем управления», «Математические методы и модели в социологии».

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Особенности российского способа реформирования экономики, когда реформы проводились «сверху», не подкрепленные массово осознаваемой социальной направленностью этих реформ в сочетании с традиционным для России, с одной стороны, патернализмом по отношению к государству, а с другой стороны, пренебрежением к личности со стороны власти, привели к расширению *социальной базы теневых практик* на неформальных рынках.

Эмпирические исследования показали, что, с одной стороны, граждане продолжают полагаться на государство, на практике придерживаться взглядов, которые принято называть «патернализм» во взаимоотношениях между государством и гражданином, и, с другой стороны, нарастает пропасть между интересами государства и понимаемыми лично каждым гражданином собственными интересами. Люди осознают, что для российского государства человек и личность продолжают оставаться ценностью второго рода, и принимают эту второсортность. Это все, вместе с ментальностью, традициями и последствиями советского образа жизни и есть питательная среда теневых отношений в России. По различным критериям респонденты отмечали, что доля тех, кто вовлечен в такие отношения, колеблется от 80 – 90% (если брать пассивное и активное участие на «розовых», «серых», «черных» рынках); до 20 – 30% (если брать только активное участие в теневых практиках).

2. Нет предпосылок для заключения, что социальной базой «тени» являются маргиналы и низшие слои. Расширение социальной базы тени проявляется, во-первых, в том, что доход, образование и социальное положение граждан прямо коррелируют с частотой активного участия в неформальных практиках, во-вторых, в том, что граждане рассматривают теневые практики как обыденную реальность и ожидают расширения таких проявлений в своей жизни. Доказательством этого служит существенный разрыв между ожиданием теневых практик и реальной частотой их прояв-

ления по всем типам деятельности на неформальных рынках для всех регионов.

3. Российская неформальная экономика в основном принимает форму ненасильственных действий или действий, направленных в обход формальных норм и правил. Неформальные практики в России в большей степени имеют целью уклонение от бремени административных инструкций и обложения высокими налогами. Неформальные практики неэластичны по собственным ставкам налогов, здесь имеет место воздействие гораздо более сложного механизма. Производство товаров попадает в «тень» также в основном по причине пренебрежения нормами лицензионного и авторского права, что имеет причины как чисто экономического, так и административного характера – дороговизна лицензий и патентов, неразработанность патентных норм и пр. При этом широкие массы оправдывают эти действия в той части, где затрагиваются интересы государства, и осуждают действия против личности.

Неформальные практики также включают в себя не фиксируемые в отчетности и договорах или совершаемые в обход закона хозяйственные отношения между людьми, фирмами и государственными институтами. В эти отношения вовлечены достаточно широкие социальные слои.

4. В российских регионах распространены типичные для обществ с низким уровнем развития экономических отношений модели поведения, когда практики, направленные на прямое получение личной выгоды, осуждаются, но это осуждение не связано с их незаконностью. При этом в региональном аспекте распространение неформальных рынков обратно коррелирует с ВРП, в социальном аспекте – прямо коррелирует с положением людей на социальной лестнице. Теневые практики на *незаконных рынках* распространены значительно меньше. Эти практики отличает *относительная узость их социальной базы и высокий резонанс* в обществе. Это означает, что их распространение гораздо меньше, чем для всех других видов теневой деятельности, и меньше, чем ожидания населения по отношению к этим видам. Но такие практики распространены гораздо шире, чем в России в дореформенный период или в странах с развитой рыночной экономикой.

5. В статистически значимых проявлениях теневых практик на неформальных рынках заметны *сильные межрегиональные различия*, которые связаны, во-первых, с сильной межрегиональной дифференциацией в доходах населения, во-вторых, с существенными различиями в укладах жизни. Одновременное сосуществование и восточного, и западного уклада наиболее ярко проявляется в Тюменской области – регионе, самом восточном по расположению среди рассматриваемых, самом богатом с точки зрения доходов населения и самом западном с точки зрения развитости рыночных отношений.

Сравнительный анализ данных, полученных в Тюменской области, Туле и Ставрополе показал, что именно в Тюмени наиболее заметно выделение предпринимательского типа поведения, реально отличающегося по своим характеристикам от остальных социальных слоев и имеющего специфические российские черты. Во-первых, заметно формирование *сети деловых интересов*, которая достаточно *замкнута* по своим характеристикам, в ней осознается значимость неформальных договоренностей и норм, *барьеры* между этой сетью и обществом *возрастают*. Во-вторых, государство формально выведено из этой сети на практике, что приводит к оправданию неформальных теневых действий: коррупции, уклонению от налогов и т.д. В-третьих, предпринимательство уже не противостоит так сильно общественному мнению, как это было раньше, хотя и действует в своих интересах, часто не считаясь с этим мнением. Оправданием таких действий с точки зрения легитимности правил представители бизнеса и бюрократии считают достаточно отчуждённое отношение государства к свободному предпринимательству в большинстве форм его проявления.

6. *Неформальный контракт, как особая социальная норма*, несет функции субъективного взаимного оценивания наличных ресурсов контрагентов по сделке и признания сторон, при этом чисто экономические отношения, как безличные связи, превращаются в личные, субъективно значимые контакты. *Формальный контракт еще не легитимизирован* как социальная норма и не получает ценностного обоснования, поскольку уважение формальных норм в обществе чрезвычайно низко. На статически значимых уровнях выявлено, что предприниматели и чиновники предпочитают неформальные отношения формальным. По всем показателям,

идентифицирующим теневую деятельность у населения в целом, это - ее осознание, оправдание и мотивация - заметно значительное превышение уровня ожиданий над реальностью, уровня оправдания над осуждением.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на научных семинарах кафедр социологии и социального управления, экономической социологии ТюмГУ, Всероссийском научном семинаре «Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права» (г. Тюмень, ТюмГНГУ, 2003 год), на региональной межвузовской научно-методической конференции «Роль информационных технологий в обучении: проблемы, перспективы, решения» (г. Тюмень, ТюмГНГУ, 2003 год), на Всероссийской научной конференции «XXI век: новые горизонты гуманитарных наук» (г. Самара, СамГУ, 2004 год).

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора. По материалам диссертации опубликованы четыре печатные работы, в том числе монография (в соавторстве).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, списка литературы и четырех приложений. Работа включает рисунки, таблицы, библиографический список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется состояние научных исследований и степень разработанности данной темы в социологической, экономической литературе, формулируются проблема, цель, задачи, объект и предмет исследования, представляется эмпирическая база диссертационной работы, ее практическая значимость, раскрывается новизна и положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Сущность и основы теневых практик хозяйствования в России» диссертант рассматривает теоретические и методологические проблемы социологического исследования явления теневых практик, анализирует эволюцию понятия «теневая практика» и проводит его операционализацию, изучает особенности теневых практик в условиях социальных трансформаций.

Развиваемая в диссертационном исследовании концепция современных теневых практик базируется на неинституциональной теории контрактных отношений, в этом смысле составляет некоторый фрагмент на-

учной дисциплины экономической социологии. Основными предпосылками обоснования авторского подхода являются: методологический индивидуализм, берущий свое начало в методологии М. Вебера; концепция обмена, проявляющегося в различных типах систем социального действия, а также при заключении и реализации контрактов; теория социологического функционализма, которая берет своё начало от идей Р. Мертона и Т. Парсонса и развивается в неинституциональных экономических теориях; идеи деловой сети.

В рамках неоклассической теории основной единицей анализа является *индивид*, что отражает специфику рациональности, феномена редкости (ограниченности) ресурсов, экономического выбора, альтернативных издержек, равновесия. Единицей анализа в институциональном варианте теории оказывается *институт, транзакция*, являющаяся «мельчайшей единицей деятельности».

Традиционный институционализм определяет *институт* в виде трех элементов, взаимодополняющих друг друга: *правил, стандартов поведения и стереотипов мышления*. Неинституционализм определяет *институт* как ограничения, созданные человеком, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие как "правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми", а также как "формальные правила, неформальные ограничения и способы обеспечения действенности ограничений.

Научная проблема заключается в том, что было выявлено противоречие: мы исследуем поведение индивида, но действует и принимает решения он в качестве участника коллективного выбора. Это противоречие может быть разрешено на основании исследования процедур согласования частных и коллективных интересов. Механизмы согласования связаны с разработкой общей базы согласия между индивидуальным и коллективным выборами; поиском критерия общего и различного в моделях рыночного и группового типов поведения; определением отличающихся типов ценностей и особых интересов людей, воплощаемых в моделях рыночного и группового поведения; определением отличающихся условий, в которых люди, встроенные в эти модели, исповедуют свои различные убеждения.

Эти положения теоретически связаны с концепцией обмена как социально-го и политического выбора, так и с концепцией действия контрактов.

В советское время теневая экономика представляла собой такие виды хозяйственной деятельности, которые осуществлялись вне прямого контроля и санкции со стороны официальных органов управления. Теневая экономика выполняла в советской хозяйственной системе важные функции, из которых главными были две. Первая – экономическая, состоявшая в компенсации дефектов работы официальной советской экономики. Вторая – социальная, состоявшая в обеспечении социальной ниши для предприимчивых людей, которые не могли реализовать себя в официальных структурах.

В современной России функции и роль теневой экономики претерпели существенные изменения. Особенности способа, который выбрала Россия для рыночных трансформаций – преобразований, проводимых «сверху», определили и особенности российской постсоветской теневой экономики. Наиболее распространенный путь включения субъектов в неформальную деятельность – это обретение ими определенного официального статуса, дающего право распоряжения благами и обеспечивающего вытекающие отсюда возможности неформальной деятельности.

Другой особенностью теневых практик является функция социально-экономического *выживания* с их помощью. Для России эту функцию можно считать центральной, так как жизнь огромного большинства людей невозможно понять, если не принимать во внимание их деятельность в *неформальной экономике*.

Социальные практики рассматриваются автором как устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного *действия* акторов в экономической, политической, культурной сферах общества. «*Формальные*» социальные практики действующих акторов характеризуются правовым и/или административным характером их направленности, «*неформальные*» социальные практики – неправовым и/или «неадминистративным».

Исходное определение неформальной экономики – это совокупность хозяйственных отношений, не отражаемых в официальной отчетности и формальных контрактах. Понятие структур неформальной экономики как

абстрактных позиций заменяется здесь понятием «полей» — локальных порядков или арен взаимодействия акторов, в которых создаются и воспроизводятся неформальные экономические институты. Взаимодействию предпосланы некие правила и способы распределения ресурсов - собственно *теневые практики хозяйствования*.

Следуя за В.В. Радаевым, выделим три принципиально разных подхода к интересующему нас предмету. *Первый подход* определяет неформальную экономику как *совокупность форм хозяйства* или секторов экономики, противостоящих государству и формализованным сегментам рынка. *Второй подход* трактует неформальную экономику как *совокупность отношений*, существующих во всех без исключения секторах экономики. В рамках *третьего подхода* неформальная экономика предстает как *определенная логика действий экономических агентов*, как некий идеальный тип (в веберовском смысле), с которым сопоставляются исследуемые экономические реалии.

Сегодня утверждается, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же теневые практики развиваются так, как если бы этих норм не было. Фиксируется растущая роль теневых правил и норм в экономике, политике и других сферах общественной жизни. Отмечается, что доминирование *неформальных отношений* над *формальными регуляторами* – главная черта, отличающая Россию от стран Центральной и Восточной Европы. *Неформальные модели* взаимодействия и *теневые практики* оказались важнейшим *адаптационным ресурсом*, позволяющим смягчить стартовые издержки переходного кризиса и с меньшими потерями приспособляться к новым, изменившимся условиям. Именно они помогли *амортизировать* многочисленные шоки, сопровождающие процесс трансформации.

Авторское прикладное исследование предполагало использование социологических техник, анализа реального поведения, ориентированного на контракты. Как показало социологическое исследование, деловая сеть в данном случае выступает целостной системой целеполагания и целеосуществления, функционирующей по законам малой группы на принципах стратегического выбора, ориентирующая всех ее членов на осуществление

неформальных и нелегальных сделок, влияющих на «свою долю» изъятия дохода согласно статусу каждого члена сети.

Деловая сеть гибка и прочна, и как реальный феномен она являет собой некую структурную сложность, обеспечивающую взаимодействия ее членов, и достаточно эффективное прибыльное поведение; ее элементы автономны и многофункциональны и в то же время действуют по единым правилам игры, что позволяет извлекать ренту и прибыль из хаотично организованной внешней среды, исходя из различных статусных уровней ее членов и самой деловой сети. Чем выше статус сети, тем выше доходы ее членов.

Во второй главе «Эмпирический анализ теневых практик хозяйствования» автор представил анализ и структуру теневых практик.

Исследования, на которых основывается дальнейшее изложение, проводились в 2000 – 2004 гг. в составе исследовательской группы по программе «Неформальная экономика» под руководством проф. В.А. Давыденко и проф. Г.Ф. Ромашкиной. Эмпирическая часть программы включает в себя проведение массового опроса в Тюмени и Тюменской области по репрезентативной выборке (объем выборки 2410 чел. – 2004 г.). Также на условиях взаимного обмена нам были переданы данные по массовым опросам, проведенным в Туле, Ставрополе, руководитель – Ю.В. Латов (ИС РАН - 2004 г.).

Результаты исследования анализировались с применением пакета SPSS 12.0.2. Основные методы, применяемые в исследовании: контент-анализ документов, частотный анализ, проверка значимости гипотез на основе критерия хи-квадрат, критерии Пирсона и Спирмена, анализ стандартизованных остатков в перекрестных таблицах, дисперсионный, факторный и кластерный анализ.

Итак, неформальные структуры раскрываются в неформальных операциях, а именно: в легальной, полуполюгальной и нелегальной сфере, обнаруживая внутренние потенциалы, тенденции, предрасположенности в процессе функционирования. На основе групп вопросов, задаваемых в форме оценки ожидания, доверия и практических проявлений неформальных отношений и теневых практик, по шкале от 1 до 5 строились эмпирические индексы, оценивающие показатель от «0» – минимальный уровень ожида-

ний, доверия и согласия с высказыванием до «100» – максимальный уровень на основе линейного преобразования средних. По эмпирическим показателям, отражающим теневые практики в легальной неофициальной экономике, наблюдается одобрение населения по отношению к этим практикам.

В сфере нарушения прав в легальной экономике (обман, обсчет, торговля нелегализованной продукцией и пр.), замечено, что ожидания распространенности теневых действий существенно превышают наблюдаемые теневые практики. При этом в Тюмени и Туле частоты, ожидания и одобрение теневых практик существенно выше, чем в Ставрополе. Люди объясняют свои действия разумно, и для нас важно выявить эти разумные объяснения, интерпретацию теневой активности на уровне массового сознания в той мере, в какой вообще позволяют что-либо реально выявить эмпирические методы. Можно говорить о существенном разрыве между показателями частоты теневых практик и ожиданиями населения.

В Тюмени наблюдается более высокий порог осуждения полуправовых практик в неформальном секторе экономики (без подношений и подарков). Это сопровождается тем, что частота таких практик в Тюмени выше, чем в других регионах, но весьма незначительна. Индекс ожиданий во всех регионах существенно превышает индекс частоты полуправовых практик в неформальном секторе экономики (рис. 1, рис. 2).

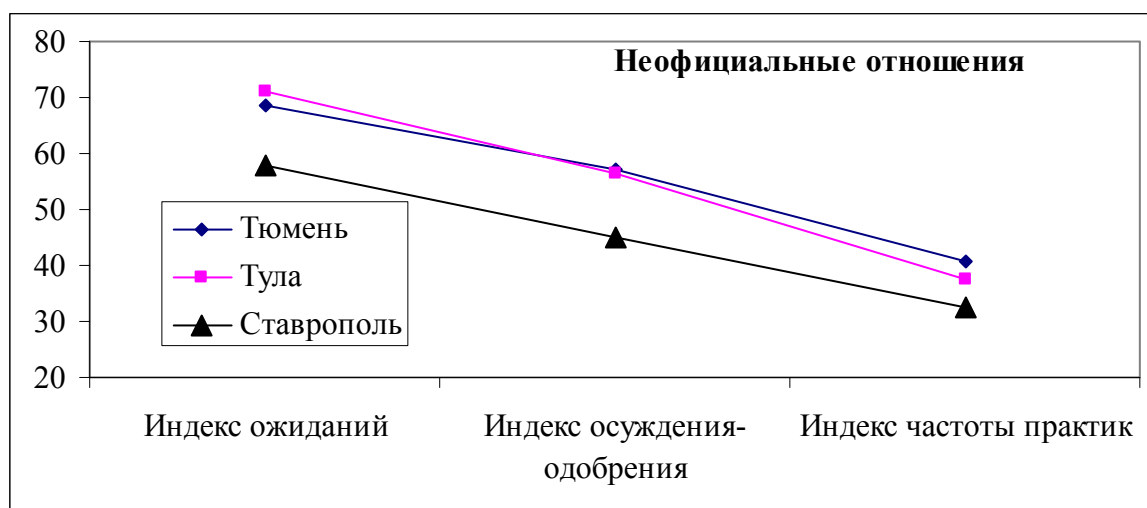

Рис. 1 Индексы для легальной (неофициальной) экономики.

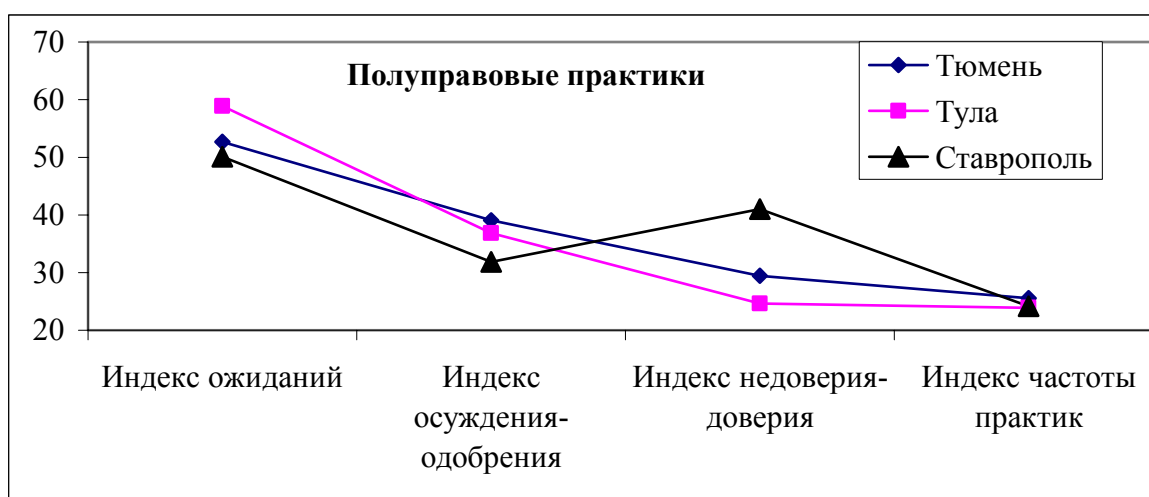

Рис. 2 Индексы для полуправовой экономики.

Примечание. Индекс изменяется от 0 до 100. «0» соответствует минимальному уровню ожидания, одобрения, доверия.

Интересно то, что наибольший разрыв между ожиданиями и практиками наблюдается в Туле. В Тюмени население в среднем склоняется к осуждению обмана, а в Ставрополе обман оказывается допустим в большей степени.

Распространенной частью полуправовой экономики остается теневой обмен подарками, подношениями и взятками. Причем характер обмена напрямую связан с двумя аспектами. Во-первых, ментальностью жителей региона, обычаями, традициями и верованиями и, во-вторых, с уровнем развития в регионе рыночных отношений (табл.1).

На примере сравнения этих трех различных по своим характеристикам регионов, мы можем проследить, как трансформируются типические полуправовые практики в зависимости от развитости рыночных отношений.

Предложение наличных денег население считает «взяткой» с наибольшей уверенностью, это подтверждается наибольшим значением среднего и наименьшим разбросом. С наибольшей уверенностью «не взяткой» рассматривается дарение букета цветов, коробки конфет, сувениров, что также подтверждается наименьшим значением разброса. Ранжирование отношения к понятию «взятка» одинаково во всех регионах. В Тюмени оценки частот взяток оказываются ниже, чем во всех других регионах. В ответах на вопрос, кому Вы делаете подарки, уверенно лидируют медицинские работники. Это говорит о том, что в здравоохранении продолжает

сохраняться «двойная мораль», когда за мнимой бесплатностью скрывается одна из наиболее «взяткоемких» сфер. При этом наибольшее значение этот показатель имеет в Ставрополе, а наименьший – в Тюмени.

Таблица 1

Сравнение средних показателей неправовых практик

Вопросы	Тюмень		Тула		Ставрополь	
	сред- нее	стд. откл	сред- нее	стд. откл	сред- нее	стд. откл
<i>Можно ли считать подношением официальному лицу (или «взяткой»)</i>						
1) Предложение наличных денег	4,44	1,04	4,61	0,81	4,69	0,70
2) Дарение ценных вещей (магнитофона, ювелирных украшений, компьютера и др.)	3,79	1,12	4,18	0,93	4,31	0,92
3) Предложение процента с заключаемой сделки	3,58	1,27	3,68	1,18	4,36	0,91
4) Обещание ответных услуг	3,03	1,23	3,20	1,13	3,72	1,05
5) Приглашение в ресторан	2,95	1,22	2,95	1,19	3,61	1,03
6) Дарение букета цветов, коробки конфет, сувениров	2,16	1,12	2,31	1,19	2,90	1,24
<i>Кому Вы делали подарки?</i>						
7) Врачам, другим медицинским работникам	2,29	1,11	2,87	1,05	3,59	1,17
8) Работникам сферы услуг (например, чаевые официантам)	2,19	1,23	2,20	1,21	2,00	1,02
9) Учителям	2,13	1,14	2,46	1,20	2,40	1,28
11) Чиновникам	1,73	1,10	1,79	1,03	2,85	1,43
12) Сотрудникам правоохранительных органов	1,66	1,05	1,70	1,04	3,41	1,42
13) Партнерам по бизнесу	1,65	1,02	1,47	0,91	1,40	0,83
14) Вышестоящим руководителям, от которых зависело получение должности	1,54	0,98	1,71	1,05	2,15	1,33
15) Работникам коммунального хозяйства	1,41	0,84	2,09	1,23	2,28	1,33

Примечание. Минимум – 1. Максимум – 5. В анкете значение 1 соответствует в различных случаях не согласен, никогда, нельзя; значение 5 – максимальное согласие с утверждением, постоянно.

В Тюмени, самом богатом регионе из всех рассматриваемых, солидарность населения существенно ниже, но и более свободны взгляды по всем типам и формам неформальных экономических отношений, находя-

щихся в некриминальной сфере, подтверждается гипотеза о том, что типичные виды внеправовых практик *для регионов существенно различны*.

Рассмотрение взаимодействия традиций, реформ (или модернизаций) и возникающих в результате этих модернизаций новых структур позволило сделать следующие эмпирические выводы. Предприниматели предпочитают неформальные отношения формальным. По всем показателям, идентифицирующим теневую деятельность, ее осознание, оправдание и мотивацию, заметно значительное превышение ожидаемых частот над реальными. Однако, по-видимому, основной причиной легального и нелегального уклонения от налогов следует считать избыточное налоговое бремя и несовершенство законодательства. И бороться с уклонением от налогов следует, прежде всего, не репрессивными методами налоговых органов, и не только за счет снижения налогов, а совершенствованием налогового законодательства, системы его исполнения и легитимизации налоговой культуры в обществе.

Практические оценки осуждения практики невыплаты налогов в сознании респондентов ранжируются следующим образом: осуждение взаимного обмана, оправдание поддержки неформальных сетей, осуждение нарушения закона, оправдание возможностей повышения степени свободы. Причем для последних двух вариантов наблюдаются значимые различия между группами населения. Немаловажно, что с понижением поддержки и одобрения населением варианта ответа возрастает размах вариации признака, показывающей межгрупповые различия, можно заключить, что по первым двум вариантам наблюдается ценностное согласие, а по последним двум – увеличивается напряженность. Для ухода от налогов респонденты считают допустимым использовать возможности, представляемые законом и основанные на брешах в законе, но не допускают использование тех возможностей, которые нарушают закон. Предприниматели руководствуются не абстрактными сравнениями пользы государства и потерь от налогообложения, а вполне конкретными соображениями о величине риска: насколько сумма налога выше, чем санкции за уклонение от него. Если последствия уклонения не слишком тяжелы, а вероятность обнаружения невелика, то большинство предпринимателей предпочтет уйти от налогов

или минимизировать их, воспользовавшись слабыми местами и противоречиями в налоговом законодательстве и в технике взимания налогов.

Мы не можем говорить о прямой зависимости между тем, как респондент ответил на этот вопрос, и тем, платит ли он налоги или нет. Но вполне очевидно, что установка такого рода служит оправданием для значительной части налогоплательщиков скрывать свои доходы. То есть если человек не исполняет налоговое законодательство, то он, скорее всего, не будет осуждать неплательщиков налогов, в то время как человек, в полной мере исполняющий налоговое законодательство, скорее обвинит неплательщиков. Таким образом, формируется норма, согласно которой отказ от строгого и формального соблюдения налогового законодательства не является преступлением и находит оправдание в глазах общественного мнения. Практика высокого налогообложения не только бьет предпринимателя по карману, но и косвенным образом стимулирует рост теневых практик в деловых отношениях. Проблема уклонения от налогов скорее всего сохранится в будущем. Снижение ставок налоговых платежей, предлагаемое многими политиками, предпринимателями и экспертами, может облегчить условия хозяйственной деятельности, но уровень собираемости налогов вряд ли существенно повысится, по крайней мере, в обозримой перспективе. Причина кроется в том, что неуплата налогов государству, как практика повседневной хозяйственной жизни, уже утвердилась на нормативной уровне.

Проверка на значимость межгрупповой дисперсии показывает максимально значимые различия между группами, и ответы распределяются на две подгруппы: предприниматели и все остальные. Можно говорить о зарождении некоего ценностного согласия в группе предпринимателей. Декларативные заявления о честности далеко не всегда подтверждаются на уровне неформальных практик. Ответы на вопросы позволяют увидеть, что различия между декларативной готовностью к честным партнерским взаимоотношениям в бизнесе и неформальными практиками существуют, и они велики.

По данным исследования, весьма низок уровень доверия к органам правопорядка и существенно выше среднего готовность обманывать их (для представителей органов охраны правопорядка ее можно оценить на

уровне 50-80% в зависимости от сферы обмана; в отношении прямого нарушения закона такая готовность равна 30-40% , а косвенное нарушение или нарушение прав контрагента без нарушения закона – 40-50%).

В этих сферах наблюдаются весьма небольшие различия между социальными группами как по отношению к собственности, так и по доходу, однако весьма значительны различия между регионами. При этом, неформальные и формальные нормы четко распределились по шкале от минимального согласия и одобрения по отношению к органам правопорядка и законам, а договоры, по мнению респондентов, в любом случае должны выполняться. Наиболее противоречивой и непоследовательной представляется позиция респондентов в отношениях между государством и личностью. Дуализм проявляется в том, что на словах, избегая по возможности конфликтов с правилами игры, люди на практике игнорируют формальные нормы и правила, предпочитая на микроуровне сети межличностных отношений. Граждане продолжают рассчитывать на помощь государства практически при всех затруднениях и проблемах, хотя на уровне деклараций эту помощь отвергают.

В работе выяснялось, какие слои являются социальной базой теневой активности. Для этого был проведен кластерный анализ методом К-средних на основе ответов на вопросы анкеты об образовании, уровню доходов, структуре расходов, уровню потребления и образе жизни (всего 38 вопросов). В результате было получено пять кластеров. К первому кластеру, назовем его нижним слоем, принадлежат респонденты, среднемесячный доход которых наименьший, в соответствии с этим покупки крупных дорогих вещей они также совершают реже, чем все остальные, денег им достаточно только на самое необходимое. В противоположность первому кластеру можно поставить второй кластер – высший слой. Доход этой части респондентов значительно больше, чем у всех остальных, больше совершенных покупок и денег достаточно, чтобы купить все необходимое. Следующие три кластера приняты за слой ниже среднего, ядро среднего слоя, слой выше среднего, которые входят в совокупный обобщенный средний слой, границы и критерии в этих промежуточных слоях размыты и неустойчивы. Кластеры располагаются не по порядку данных, а по значимости (или устойчивости) результатов. Максимально значимо выделились

нижний и верхний слои. Большая часть (55%) выборки в кластерный анализ не попала, поскольку разброс данных очень велик, что косвенно подтверждает вывод о том, что стратификация общества пока неустойчива. Объем валидной подвыборки (1092 чел.), тем не менее, позволяет сделать некоторые выводы. Далее, с помощью факторного анализа из 19 вопросов методом собственных векторов были выделены шесть факторов, которые как можно более полно объясняют связи, наблюдаемые между теневыми практикам. Для среднего и высшего слоя характерно участие практически во всех рассматриваемых теневых практиках. Причем довольно высок процент его постоянного участия в них: «средний класс вполне вписался в теневые экономические практики и вовсе не борется за выход из “тени в свет”»².

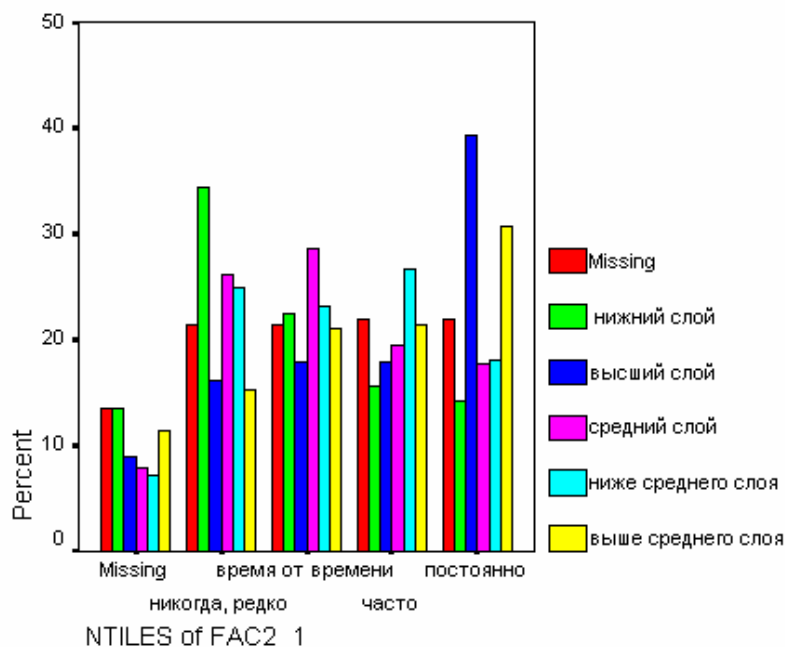

Рис. 3 Связь между социальными слоями и фактором «Злоупотребление общественным положением»

Особенно это оказалось очевидным при рассмотрении связи между кластерами и факторами «Воровство» и «Злоупотребление общественным положением», имеющими наибольшую значимость из шести полученных (рис.3). Если рассмотреть тех, кто постоянно ворует, то вероятность, что это окажется респондент, принадлежащий к слою выше среднего, почти в

² Малева Т. М.. Социальная политика и социальные страты в современной России Куда пришла Россия?. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Интерцентр, 2003. – 408 с

три раза выше, чем для всех остальных. Если рассматривать тех, кто постоянно злоупотребляет общественным положением, то вероятнее всего это будут респонденты, принадлежащие высшему слою. Пассивное нарушение норм права в торговле – фактор, который показывает нам, что высший слой очень редко принимает пассивное участие в теневых практиках, в данном случае, их очень редко обманывают продавцы, им редко сообщается неверная информация о товаре и т. д. (около 30%). Нижний слой, наоборот, характеризуется постоянным пассивным участием в теневых практиках (их чаще обманывают).

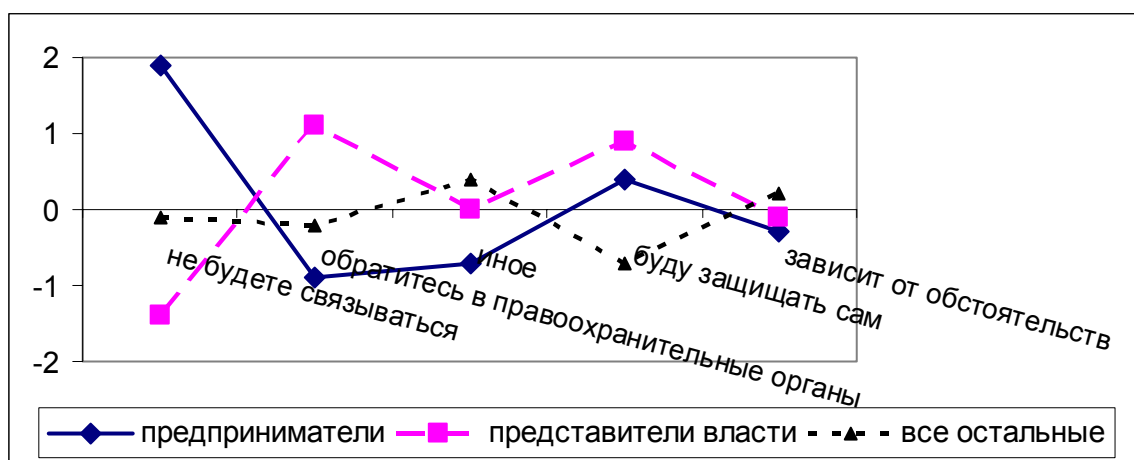

Рис. 4 Стандартизованные остатки: *Вы встретитесь со случаями нарушения закона по отношению к гражданину*

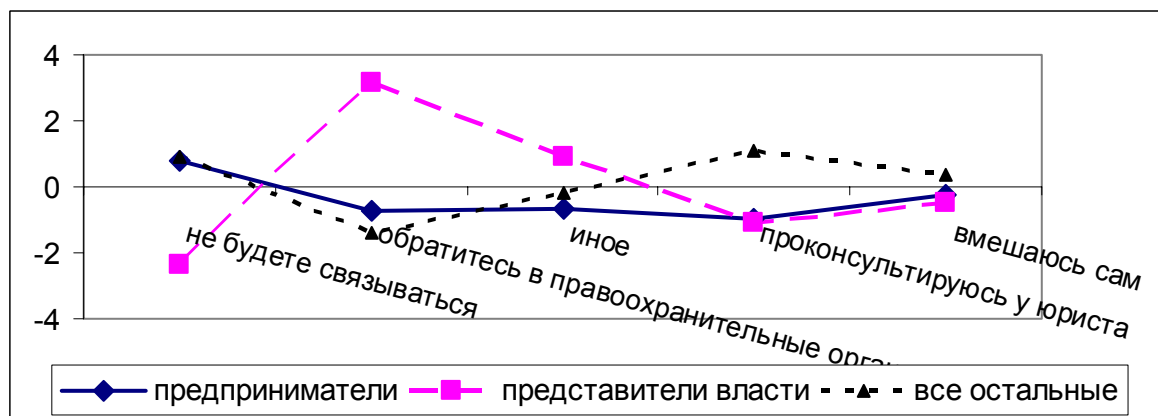

Рис. 5 Стандартизованные остатки: *Вы встретитесь со случаями нарушения закона по отношению к государству*

Проведенный анализ стандартизованных остатков расхождения между наблюдаемыми и ожидаемыми частотами, участием и противодействием теневым практикам позволяет подтвердить вывод (рис. 4, рис. 5). Статистика хи-квадрат подтверждает значимость получаемых выводов на максимальном уровне (табл. 2).

Статистика критерия хи – квадрат

Хи – квадрат	1080,4
Степеней свободы	2
Асимптотическая значимость*	0,0000000

Примечание. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 803,3. *Значимыми являются значения $<0,05$. Максимально значимыми $< 0,001$.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и формулируются основные его результаты.

**СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
НАШЛО СВОЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

1. Мездрин Н.В., Губин В.И., Федорова Е.А. Применение корреляционного анализа к решению производственных задач // Материалы региональной научно-методической конференции «Управление качеством образования» ТюмГНГУ. Тюмень, 2003. С. 229-232. 0,2 п. л. (0,1 п.л.)

2. Мездрин Н.В., Ромашкина Г.Ф. Теневые практики хозяйствования в регионе (на примере Тюменской области)// Материалы Всероссийской научной конференции. СамГУ. Самара, 2004. С. 203-207. 0,2 п.л. (0,1 п. л.)

3. Мездрин Н.В. Теневые практики в экономической сфере: Тюменская область // Математические методы и модели в экономике и управлении. Выпуск 2. Тюмень: ТюмГНГУ, 2004. 0,8 п. л.

4. Мездрин Н.В., Абдалова Ю.П., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Тарасова А.Н. Теневые практики хозяйствования в регионе.// Глава в коллективной монографии: Социология неформальных отношений: экономика, политика, культура. Тюмень: Вектор Бук, 2004. С. 250. 15,6 п. л. (3,8 п. л.)

5. Мездрин Н.В. Структура теневой экономики //XV Уральские социологические чтения. 2005. 0,2 п. л.